

Карты, пьянка и кабак: история тюменского загула

Что такое праздник? Похоже, перед нашими предками не стояло подобного вопроса. Гулять в Сибири умели всегда: широко, с купеческим шиком и крестьянской простотой, нередко переходя все мыслимые границы. Сегодня мы попробуем вспомнить, как это было, прикоснуться к истории почти совсем забытой – истории тюменского загула.

Кабак

По давней традиции принято считать водку национальным русским напитком, чем-то вроде матрёшки и шапки-ушанки. Однако ещё сто лет назад тобольский историк Евгений Кузнецов писал, что традиционным напитком Древней Руси было вино, привозимое из Германии и др. стран. С «хлебным вином» (т.е. водкой) русских познакомили европейцы, которые в свою очередь получили рецепт изготовления «жизненной воды» от арабов. Другое дело, что наши предки и, в особенности, российские власти, довольно скоро оценили достоинства этого замечательного напитка. По приказу Ивана Грозного в Москве был открыт первый кабак, где в то время пировали опричники. Вскоре по всей стране разлетелись указы с требованием уничтожить корчмы, а вместо них открыть «царёвы кабаки». В отличие от корчмы, где можно было поесть и выпить, в кабаке можно было только пить.

Вскоре «прогресс» коснулся и Сибири. До прихода русских местные жители не знали вина: татары употребляли бузу (напиток на основе проса), а северные племена – настойку на мухоморах. Но русские власти приложили немало усилий для приобщения инородцев к «цивилизации», благо казна от этого лишь поправлялась. Из Москвы воеводы получали строгие наказания: сибирских инородцев «поить и кормить как мочно». По крайней мере, в первом они преуспели. Русских же поселенцев приучать к водке было не приходилось: в одном из писем того времени царский пристав жаловался, что сибирские казаки «ходят всегда пьяни, берут неведомо откуда».

В 1602 г. в Верхотурье (ныне – Свердловская обл.) открылся первый сибирский кабак, а уже в 1651 г. появился он и в Тюмени. О царивших в этом заведении нравах мы судить по запискам Юрия Крижанича, отбывавшего ссылку в Сибири. «Посуда такая, что годится в свиной хлев, – писал он. – Питье премежское и продается по бесовской цене... хозяин только о том и хлопочет, чтобы поскорее напоить своих гостей и обратить их в свиней». Впрочем, правительство и не скрывало намерений выкачать через кабак как можно больше денег у своих подданных. Строго соблюдалось правило: «питухов не отгонять». Даже жёнам пьяниц не разрешалось уводить мужей из кабака, нанося тем самым ущерб казне. Результат был вполне предсказуем: «Нигде ни у немцев, ни у других славян нет такого гадкого пьянства, нигде не видно, чтобы в грязи, по улицам валялись мужчины и женщины и умирали от пьянства», - писал Крижанич четыре века назад.

Пьянка

Со временем ситуация менялась, но не в лучшую сторону: тюменцы по-прежнему пили много и крепко. К началу прошлого века в городе действовало 48 питейных заведений и 2 рейнских погреба с распивочной продажей. Казённый винный склад на ул. Голицынской (ныне в его корпусах разместился завод пластмасс) работал на полную мощность, а «водочный король Сибири и Урала» Поклевский-Козелл сколотил на пагубном пристрастии земляков колоссальное состояние. Одна Тюмень выпивала за год 112 000 вёдер пива, в среднем сибиряк пропивал 27 руб. в год (житель Европейской России – 12 руб.). Для примера скажем, что ведро пива стоило 1 руб. 90 коп.

Пили основательно, причём независимо от пола и возраста. В газетных хрониках то и дело сообщалось о подобранных на улицах города пьяных подростках, надравшихся до положения риз священниках и упившихся в дупель крестьянах. Благо русский язык отлично приспособлен для такого рода описаний: глагол «пьянствовать» имеет наибольшее количество синонимов (на втором месте другой глагол – «пороть»). Бывали и курьёзные

случаи. Так однажды прохожие с ужасом увидели человека, идущего со стороны кузниц в горящем пиджаке. Устремившись на помощь, они потушили бедолагу, который был настолько пьян, что так ничего и не понял.

Пристрастие к «зелёному змию» не миновало и немногочисленный слой образованных сибиряков. «Местная интеллигенция, мыслящая и не мыслящая, с утра до вечера пьёт водку, - писал А.П. Чехов, - пьёт неизящно, грубо и глупо, не зная меры и не пьянея; после первых же двух фраз местный интеллигент непременно уж задаёт вам вопрос: «А не выпить ли нам водки?». В отличие от размышлений о том «Что делать?» и «Кто виноват?», по этому вопросу разногласий не возникало.

С особым размахом гуляло тюменское купечество. Приняв «на грудь», купцы нередко предавались пьяному куражу, девизом которого было своевластное: «Ндраву моему не препятствуй!». Один из героев романа Лухмановой, вышедшей замуж за купца Колмогорова и одно время жившей в Тюмени, вспоминал: «Так-то судари мои, веселились мы, лошадей шампанским паивали, бывало, едем пьяной компанией, в поле стог сена встретим, вином обольём и зажжём, кругом пляшем, а за убыток – получайте! Потому деньги свои, трудом нажитые, и я в них волен!»

Бедное сословие гуляло попроще, но не менее основательно. Свидетельством тому были бесчувственные тела, покрывавшие улицы всякий раз после праздников или базарных дней. Сибирский климат мало приспособлен для такого ночлега, поэтому в 1911 г. в Тюмени пришлось открыть «приют для опьяневших» – предшественник современного вытрезвителя. Располагался он в полуподвале Народного дома на ул. Ильинской, 13 (ныне – ул. 25-го Октября). Сегодня это здание отведено под резиденцию губернатора, а сто лет назад там отпаивали рассолом, подносили нашатырь и включали граммофон – «для возвращения трезвого взгляда на явления жизни». Вот только хотелось ли обитателям приюта трезво взглянуть на свою жизнь?

Карты

Но была у тюменцев и другая всепоглощающая страсть, без проявлений которой не обходилась ни одна приличная гулянка – карты. Купец Николай Чукмалдин, своевременно «завязавший» с этим, с ужасом вспоминал годы спустя: «А какие страшные азартные игры в карты в те времена существовали в Сибири!». Сказать, что играли по крупному, значит не сказать ничего. Сибирский писатель Ядринцев смеялся над рассказами о «громдных» играх в Сан-Франциско периода «золотой лихорадки», когда на карту ставилось 200 и даже 1000 фунтов, а на столе лежали груды золота в 4000 фунтов. «На это можно только улыбнуться людям, выдавшим игру сибиряков, - замечал он. – Здесь на карту ставится до 7000 руб. И теперь живут счастливы, выигрывавшие на ярмарке разом до 90 тыс. руб. Вероятно, эта сумма была и на столе».

Однако везло далеко не всем и не всегда. Одно время в Тюмени славился и процветал отставной чиновник Унжаков, сколотивший на картах целое состояние. Его просторный гостеприимный дом всегда был полон людьми, проводившими время за ужинами, выпивкой и, конечно же, зелёным сукном. Под стать бойкому и образованному хозяину дома были и его друзья-картёжники: толстый циник Семёнов, поглощавший жутское количество водки майор Ежов и изящный адвокат Тутомир. С невероятным артистизмом они увлекали в игру нового человека, чередуя выигрыши и проигрыши, заряжали его азартом и, наконец, убедившись, что клиент «заглотил» наживку, обыгрывали его вчистую.

Превыше всего в этом безумном мире ценились выдержка и особый картёжный шик. О купце, который поставил на одну карту 10 тыс. руб., и пока банкомёт бросал направо и налево, пошёл к другому столу выпить рюмку водки, рассказывали как о герое. На картине тюменского художника Ивана Калганова (её можно увидеть в музее изобразительных искусств) запечатлён реальный случай, когда проезжий полковник за один вечер проиграл местным шулерам 10 тыс. руб. казённых денег. Невероятная точность деталей и живость

характеров вполне объяснима: Иван Александрович сам любил гульнуть и умер от запоев, не дожив до 30 лет.

Охваченные азартом сибиряки спускали за зелёными столами целые состояния. Купец Малых проиграл в «стуколку» прекрасное транспортное дело, Решетников, владевший кожевенными заводами, потерял за картами всё и доживал свой век мелким страховым агентом, а дети купца Котовщикова были объявлены несостоятельными должниками, и сын его отправился под арест в тюменскую тюрьму, директором которой был когда-то его отец. Бесславно кончил свои дни и сам Унжаков. На одной из Ирбитских ярмарок он нарвался на другого шулера, ещё более искусного, и проигрался «до нитки». Нажитое годами (и картами!) состояние пошло крахом, Унжакова сразил инсульт, а его семья доживала дни свои в глубокой нищете.

«Из сонма самостоятельных лиц, каких я знал, - писал Чукмалдин, - едва осталось в следующем поколении две-три семьи, у которых не расстроены дела и которые проходят жизнь нормальным образом. Остальные все погибли жертвами карточной игры и пьянства». Итог печальный, закономерный и... поучительный?